

А.А. Романов, А.П. Костяев

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь
Тверской государственный университет, г. Тверь*

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: языковая личность, семиотическая личность, коммуникативная личность, профессиональная коммуникация, эмоциональная коммуникация, коммуникативная компетенция, эмоциональное поведение.

В статье рассматривается проблема эмоционального коммуникативного поведения языковой личности в условиях профессиональной коммуникации. Обсуждается специфика эмоционального вербального и невербального компонента коммуникативного поведения языковых личностей в определенных сценариях жизни.

A.A. Romanov, A.P. Kostyaev
*Tver State Agricultural Academy, Tver
Tver State University, Tver*

AN EMOTIONAL PERSONALITY IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Keywords: language personality, semiotic personality, communicative personality, professional communication, emotional communication, communicative ability, emotional behavior.

The article deals with the problem of a certain emotional communicative behavior of the language personality in professional communication. The specificity of the verbal and non verbal components of the communicative behavior of any language personality in certain life scripts.

Как известно, деятельностный подход к языку усилил интерес исследователей непосредственно к пользователю языка, ибо язык как комплексная система служит человеку и, не в последнюю очередь, сопровождает его жизнедеятельность в социуме. Поэтому не может казаться случайностью развитие антропоцентрической лингвистики, включающей языковую личность в лингвистическую парадигму (Караулов, 1987; 1995). Не требует особых доказательств аксиома, которая утверждает, что практически невозможно адекватно изучать функциональную природу языка вне сферы его употребления человеком говорящим, человеком, использующим этот язык в виде естественных языковых (дискурсивных) практик в сценариях своей жизнедеятельности.

Выше уже было показано, что для антропоцентрической лингвистики

главным является тезис о том, что язык по своей природе насквозь психологичен, человечен, т.к. он всегда сопровождает человека, маркирует его поведение и выражает его внутреннюю природу (т.е. психосферу). Как справедливо отмечает В.И. Шаховский (Шаховский, 1992: 4), «язык человека настолько глубоко и органически связан с выражением личностных свойств самого человека, что, если лишить язык подробной связи, он едва ли сможет функционировать и называться языком».

Поэтому одним из конкретных проявлений антропоцентризма в лингвистике можно считать разработку такой категории, как *языковая личность*. Как известно, понятие языковой личности связано в мировой науке о языке с именем Л. Вайсгербера, который предложил свое понимание языковой способности человека как способности в самом широком смысле (объеме) удерживать с помощью знаков жизненные впечатления, перерабатывать их, соотносить с другими впечатлениями и таким образом постепенно приобретать общее (целостное) представление об этих явлениях, отвлекаясь от частного впечатления, овладевать целым миром, создаваемым при помощи языка. Применение этой языковой способности и её воздействие на личность говорящего субъекта проявляется далее в виде мышления и говорения, проходящих в языковой форме, а также структур действия на основе языкового размышления.

В отечественных лингвистических разработках категориальные свойства языковой способности приобрели особое звучание и наполнились особым теоретическим содержанием, в частности, благодаря трудам Ю.Н. Караулова, который предложил иное прочтение идеи Ф. де Соссюра о том, что за каждым текстом скрывается языковая система. Ю.Н. Караулов дополнил и переосмыслил структуралистскую идею о языковой системе, заменив ее (языковую систему) действующим субъектом в следующей редакции: «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» (Караулов, 1987: 27). Под языковой личностью он предлагает понимать «человека, способного создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью».

Опыты все более углубленного осмысления феномена языковой личности нашли свое отражение в ряде новых исследовательских направлений, а именно: в антропологической лингвистике, психологической лингвистике, лингвопсихологии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, социолингвистике, прагматической лингвистике, коммуникативной лингвистике и др., что говорит об актуальности интереса к названной категории со стороны лингвистов при описании многих проблем человеческой активности в социуме и особенно при исследовании всех свойств языка и речевого поведения индивида. К этому можно лишь добавить, что вопросы функционирования категории «языковая личность» широко обсуждались и обсуждаются в трудах Ю.Д. Апресяна, Г.И. Богина, Т.В. Булыгиной, А. Вежицкой, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Г.Г. Почепцова (мл.), Б.А. Серебrenникова, Ю.С. Сте-

панова, В.И. Шаховского, А.Д. Шмелёва и др.

Как считает С.Г. Воркачев (2001: 65), понятие «языковая личность» образовано «проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность». Но несмотря на то, что термин «языковая личность» стал уже привычным и в некотором роде даже устоялся в лингвистике, и стоящее за ним «понятие... распространилось в лингвистической литературе особенно широко» (Караулов, 1995: 63), тем не менее, сегодня не существует единой, принятой и признанной всеми трактовки рассматриваемого феномена.

Однако можно говорить только лишь о некоторых аспектах понимания термина «языковая личность», существующих в научной парадигме в настоящее время. Под *языковой личностью* понимается, главным образом, человек как носитель языка, взятый со стороны его способностей к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения, – по существу личность речевая или дискурсивная (Караулов, 1987). *Языковая личность* также трактуется как совокупность особенностей вербального поведения человека (как мужского, так и женского рода), использующего язык как средство общения, – т.е. *личность коммуникативная / homo communicabilis*. В дополнение к сказанному можно отметить, что под понятие «языковая личность» также подводится «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая» (Воркачев, 2001: 65-66).

Очевидно, что понятие «языковая личность» рассматривается, прежде всего, как сложная многоуровневая функциональная система, включающая «ярусы владения языком (языковую компетенцию), владения способами осуществления, реализации речевого взаимодействия (коммуникативную компетенцию), знания мира и о мире (когнитивно - носеологический тезаурус)» (Буянова, Зеленская, 1998: 71-72). Но в любом из рассматриваемых случаев понятие «языковая личность» трактуется как «субъект речевой деятельности, обладающий способностью присваивать себе язык и субъективно его использовать» (Шаховский, 1997: 7).

Как справедливо подчеркивал А.М. Шахнарович (1990: 198), «адекватная реализация коммуникативных интенций, полноценность и адекватность общения, коммуникативный успех зависит от *коммуникативной компетенции языковой личности*, под которой понимается *совокупность способов использования знаний и стратегий общения*». Целесообразно в этой связи напомнить мнение И.А. Зимней (1989) о том, что с психологической

точки зрения *коммуникативная компетенция* – это, прежде всего способность языковой личности адекватно ситуации общения организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах.

Становится понятным, что объем понятия «коммуникативная компетенция» затрагивает: а) сферы коммуникативной деятельности, б) темы, ситуации общения и программы их развертывания, в) речевые действия, г) социальные и коммуникативные роли собеседников (сценарии их коммуникативного поведения), д) тактика коммуникации в ситуациях при выполнении программы поведения, е) типы текстов и правила их построения, ж) языковые единицы (ср., например: Красных, 1998: 64 - 66). Предлагается также классификация типов компетенций, которыми может обладать языковая личность, а именно: языковая, речевая, социолингвистическая, цивилизационная, предметная, стратегическая, дискурсивная и коммуникативная компетенции. Отмечается, что «коммуникативная компетенция предстает как высшая форма владения языком, она может быть определена как конгломерирующая форма компетенции» (там же, с. 65). Иначе говоря, коммуникативная компетенция языковой личности включает в себя в качестве компонентов все указанные виды компетенций.

Ранее уже упоминалось, что одной из базисных составляющих коммуникативной компетенции является языковая компетенция. По мнению Е.Д. Божович, возможны два подхода к рассмотрению языковой компетенции, *один из которых* опирается в большей мере на лингвистические основания (языковая компетенция рассматривается как структурное целое – единство всех языковых подсистем в языковом сознании), *а другой* – на психологические (языковая компетенция рассматривается как психологическая система, включающая два компонента: речевой опыт и знания о языке) (Божович, 1991: 36).

Примечательно мнение Д. Хаймса, полагающего, что «языковая компетенция имеет отношение к знаниям, которые дают возможность говорящему производить и понимать бесконечное количество предложений» (Hymes, 1971: 5). А.М. Шахнарович рассматривал языковую компетенцию как функциональную, иерархически организованную систему, являющуюся следствием отражения и генерализации элементов системы родного языка, функционирующей по определенным (неосознаваемым) правилам. Таким образом, языковая компетенция – это знание системы языка и правил их выбора (Шахнарович, 1992).

Ему практически вторит В.В. Красных, отмечая, что языковая компетенция не может быть сведена к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий, потому что, по мнению В.Н. Телия (1991), язык как средство коммуникации вбирает в значения ... все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей... Язык обладает способностью накапливать и хранить в содержании единиц лексикона сведения о предшествующих (т.е. уже накопленных) знаниях об обозначаемом. Действительно, «язык есть часть социальной памяти, совокупность, значений (не языковых), составляющих ориентировочную

основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной)» (Леонтьев, 1969: 43-44). Вот почему в предлагаемой работе языковая компетенция рассматривается как одна из составляющих коммуникативной компетенции говорящего субъекта в профессиональной коммуникации.

В.И. Карасик (2002: 8-9) выделяет пять аспектов в речевой организации человека: 1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение (сюда входят психические и соматические особенности человека); 2) коммуникативная потребность, т.е. адресантность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели, компетенцией человек овладевает, в то время как способности можно лишь развить; 4) языковое сознание как активное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира; 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающая характер и образ жизни человека.

По мнению автора, перечисленные компоненты речевой организации человека неоднородны, но среди них наиболее конкретным является акт речевого поведения, а наиболее абстрактным – языковое сознание человека, включающее чувства, волю, мышление, память в их неразрывном единстве (там же, с. 8 – 9). Исследователь считает, что «языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ человека с другой» (там же, с. 100). Очевидно, что приведенные выше уточнения исследователя касаются комплексной характеристики языковой (коммуникативной) личности, которая практически не может быть исчерпывающей без учета **эмоциональной стороны человеческого фактора в коммуникации**.

Действительно, как было показано в разделах первой главы, достаточно сложно вести речь о феномене языковой (коммуникативной) личности (*homo communicabilis*) в отрыве от эмоциональной стороны ее бытования. Роль эмоций в регулятивной деятельности человека, особенно в плане управления его поведением, велика, о чем упоминают практически все исследователи, описывающие роль эмоционального фактора в интерактивном процессе, отмечая мотивирующую роль эмоций в поведении человека. Напомним слова К. Изарда (1980: 208) о том, что «в человеке все движимо эмоциями, которые составляют мотивационную сторону его деятельности». Поэтому логично прийти к выводу о том, что эмоции не могут не отражаться в языке и должны входить в структуру языковой личности, участвующей в коммуникативном процессе.

В этой связи напомним также и слова В.И. Шаховского (1998: 63) о том, что «эмоция является ядром языковой личности. Более того, В.И.

Шаховский (1997: 8) внес значительное уточнение в характеристику такой языковой личности, предложив понятие «эмоциональная языковая личность», понимая под ней «синтез языковедческого и психологического знания», которым языковая личность пользуется в коммуникации. Опираясь на уточнения В.И. Шаховского, можно представить языковую личность парадигмально следующим образом: языковая личность – это: - человек говорящий, - человек коммуникативный, - языковая личность, - речевая личность, - эмотивная / эмоциональная личность, - коммуникативная личность.

Безусловно, подобное разграничение схематично и возможно только лишь в рамках научного исследования, ибо каждый находящийся в коммуникативном взаимодействии индивид есть человек говорящий, который в своей речевой деятельности может выступать одновременно в четырех ипостасях: как языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность и эмотивная личность. В рамках предлагаемого исследования эмоционально-прагматического компонента коммуникативного поведения участников профессионального общения в условиях дискомфортных ситуаций агрессивной дискурсии языковая личность рассматривается в комплексном (парадигмальном) виде. Именно поэтому для решения поставленных в исследовании задач включаются различные, реализованные в интерактивных актах вербальной агрессии ипостаси языковой личности.

В этом плане необходимо признать, что практически во многих исследованиях, которые посвящены закономерностям, связанным с реализацией в языке и дискурсе потенциалов языковой личности, отмечается тем или иным образом эмоциональная составляющая того, что именуется коммуникативной компетенцией. Обратимся вновь к теории В.И. Шаховского (2003: 8), отмечавшего факт того, что «коммуникативная компетенция в качестве одной из важнейших компонент включает в себя эмоциональную / эмотивную компетенцию».

Очевидно, что способность языковой личности принимать участие в эмоциональной коммуникации мотивировано уровнем ее эмоциональной компетенции. Исследователи отмечают, что проблема эмоциональной компетенции является сегодня чрезвычайно актуальной, поскольку социум всегда хочет понять, каким образом эмоциональное состояние человека влияет на его поведение, чтобы иметь инструменты воздействия на него или механизмы противодействия такому влиянию.

Как известно, в научный обиход понятие «эмоциональной компетенции» было введено Р. Баком (Buck, 1991), который определял ее как способность действовать в соответствии с внутренней средой своих чувств и желаний (ср. также: Яковлева, 1997: 21). Эти идеи Р. Бака нашли широкий отклик в психологических и лингвистических исследованиях. Так, И.П. Павлючко (1999: 43) обосновала понятие эмотивной компетенции и предложила его трактовать как знание, позволяющее языковой личности вербальными средствами адекватно выразить и обозначить свои и чужие

эмоции в определенных эмоциональных ситуациях общения. Очевидно, что в таких рамках *эмотивная компетенция* рассматривается как *совокупность языкового и психологического знания*, которое проявляется в той или иной степени в определенных ситуациях общения. Причем, основным содержанием эмотивной компетенции считается «эмотивно-когнитивное соотношение знаний» (там же, с. 43). В целом, не возражая против предложенного определения эмотивной компетенции, все же целесообразно обратить внимание на тот факт, что эмотивная компетенция является собой только часть компетенции эмоциональной, которая в свою очередь может также включать в себя знания о невербальных средствах выражения эмоций.

В рамках предлагаемого исследования эмоционально - прагматического компонента коммуникативного поведения личности заслуживает особого внимания идея Н. А. Красавского (2001: 13), который, анализируя предложенное Ю.Н. Карауловым (1989: 3) определение языковой личности, подчеркивает, что, помимо прагматико-мировоззренческого, кумулятивно-репродуктивного и кре-ативного аспектов, способствующих выделению в языковой личности данного определения, необходимо выделить также и эмотивно-прагматический аспект или *эмотикон* языковой личности. Выделяя особо эмотивно-прагматический аспект, он отмечает, что *эмотикон* в общем виде представляет собой «способность Homo loquens посредством употребления языковых единиц (уровень языковой и когнитивной компетенции) эксплицитировать свои оценочные суждения (уровень интенции), объектом которых являются самые различные фрагменты мира» (там же, с. 13). Эмотивно-прагматический аспект языковой личности, по мнению исследователя, находит свое выражение «на уровне как авербальных средств (жесты, мимика и т.п., т. е. параэмотикон), так и вербальных знаков (собственно эмотикон)» (там же, с. 13). К последним относятся также разноуровневые средства языка, из которых наиболее часто используемыми являются лексические языковые средства - экспликации, дескрипции и номинации психических переживаний человека (2001: 13).

Эмотивная компетенция входит в когнитивную сферу познавательного процесса языковой личности, т.е. непосредственно в когницию языковой личности. Вероятно, именно так следует понимать слова В.И. Шаховского (2003: 309), утверждающего, что «вербализованная эмоциональность носит осмысленный характер». По его мнению, на интеллектуальный характер коммуникативной эмоциональности указывает «способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и др. фильтры в процессе коммуникации, и в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык» (там же, с. 309).

Очевидно, сказанное излагает свернутую идею о том, что эмоции могут быть структурированы и что они способны обладать типовым конструктивным (вербальным) оформлением. Структура эмоции представлена многоуровневым образованием. Так, в первую очередь

возникающее событие-стимул любого порядка требует от человека осуществления «эмоциональной кодировки» (термин Н. Фрида и Б. Квита), когда, человек, реагируя на предъявленный стимул, должен определить (понять, категоризировать), что представляет собой встретившийся или предъявленный ему жизненным сценарием событийный стимул и как его воспринимает (и семиотически понимает, трактует, «прочитывает») человек: как *опасность*, как *оскорбление*, как *радость*, как *печаль*, как *гнев*, как *раздражение* и т.д. То есть, опираясь на отечественную психологическую традицию, такой событие-стимул требует от человека осуществления процесса «первовидения» как формы «ядерного субъективного существования (и осуществления – А.К.) категоризации в виде эмоционально-оценочных конструкторов», в виде «грубой эмоциональной оценки» (ср.: Артемьева Е., 1999: 84; Тхостов, 2002: 46-47).

Другими словами, уже на уровне индивидуального акта восприятия необходимо «подобрать соответствующую категорию, однако, чтобы ее подобрать, следует знать к чему подбирать» (Тхостов, 2002: 47). На этом этапе необходимо также указать, «каким (полезным ли, удобным ли, приятным ли)» является этот стимул – событие для человека «в возможных взаимоотношениях с ним», т.е. в каком виде отношения к нему. В частности, «внешне это могут быть одни и те же (для естественного языка) качества: «горький», «колючий» и т.п., но в первом случае, в русле первого из рассматриваемых потоков «информации» они – денотат объекта, а во втором – коннотативное отношение. И оцениваются они в процессе восприятия разными механизмами. «Вопросы..., которые задаются субъективными структурами опыта ... формулируются на языке эмоционально-оценочных координат» (Артемьева, 1999: 84, 92-93).

Поэтому вслед за этапом эмоциональной кодировки чередуется этап оценки. В действительности, после того, как человек понял (прочувствовал), что собой представляет событие-стимул (т.е. человек эмоционально оценил его по шкалам: *хорошо / плохо* это для него; *как это к нему относится* и т.д.) и оценил тем или иным образом, наступает этап физиологической реакции, когда человек *вспыхивает от ярости, краснеет, бледнеет, обращается в бегство, потеет, у него встают волосы дыбом, закатываются глаза, он падает в обморок, плачет*, и т.п., который именуется «готовность к действию». И тогда человек *бросается с кулаками, ругается, бежит, нападает, вскидывает руки, кричит, свистит, бросается на шею* (обниматься, целоваться, кусаться) и т.п.

Совершенно очевидно, что процесс структуризации эмоций напоминает аналогичию с парадигматическими (вертикальными) и синтагматическими (горизонтальными) связями, реализуемыми в коммуникативном взаимодействии. Перечисленные этапы этого процесса можно сопоставить с парадигматическими изменениями, как (вертикальным) *набором эмоций* (ср. похожий термин «эмотикон» у Н.А. Красавского), которым располагает человек, как *некоторый репертуар*. В качестве аналога синтагматических (горизонтальных) изменений можно принять фактор «личной

вовлеченности» (ср. concern в терминологии А. Вежбицкой), отражающий степень (*насколько, как глубоко*) отношения конкретного стимула-события лично к каждому из участников коммуникативной интеракции и порог (или это *абстрактное что-то, или конкретное, нечто непосредственно эмоционально связано с происходящим*). Иначе говоря, в комплексном виде процесс структуризации эмоции /ий определяет все перечисленные стадии реакции с обязательным учетом оценки и самооценки (а также идентификации и самоидентификации) ее пороговости и степени: насколько это событие-стимул относится к тебе.

Уместно еще раз повторить, что в «эмотиконе» человека существует, по мнению исследователей, *набор эмоций*, которым он располагает, как *некоторый репертуар*, перед ним находящийся, и из которого он выбирает то, что он знает, и то, что он идентифицирует как любовь, ревность, испуг, страх, радость, горе и т.д. (ср. у А.Ш. Тхостова: «для того, чтобы *не воспринимать* объект, его нужно сначала *воспринять*», с.48). Больше того, человек коммуникативный знает, каким эмоциональным репертуаром он владеет; он также знает, что означает данный эмоциональный репертуар и также знает, в каких случаях и какими частями из этого эмоционального репертуара (инвентаря, набора конструкторов) ему надо пользоваться и в каких сценариях (в том числе и культурных) жизнедеятельности человека.

Становится понятным, что в человеке коммуникативном есть очень сильное и укорененное самоощущение, с которым человек живет, но в то же время он находится в противоречии с очевидными фактами. К таким очевидным фактам следует, в первую очередь, отнести положение (установку), что *эмоция – феномен в высшей степени предсказуемый*. Если человек в целом знает, как он будет реагировать, то он также в целом знает: каковы будут его эмоции в той или иной ситуации. Но противоречие его знаний может проявиться уже на том этапе, когда возникает вопрос: разве человек коммуникативный не может удивить сам себя, например, полагая, что будет радоваться (на концерте, при чтении книги, при встрече со старым другом), а в действительности пришлось испытать огорчение (досаду, неловкость). Или наоборот, человек думал, что он будет огорчен, а сценарий коммуникативного взаимодействия вдруг повернул дело таким образом, что человек испытал облегчение. Ср., например, высказывание в одном сценарии *Ну, что за дураки меня окружают!* расценивается как оскорбление, а в другом – *Ах, ты мой бедный, бедный дурак* как утешение.

Конечно, такие сценарии в жизнедеятельности человека могут быть. По всей вероятности, можно говорить о том, что тот стереотип, который у коммуникантов был и к которому они были даже готовы, не сработал, но зато сработал совершенно другой (подсказанный ситуацией коммуникативного взаимодействия) сценарий. Основная идея высказанных предположений может свестись к тому, что такой сценарий во время коммуникативного обмена у человека все же был: Человек коммуникативный (интерактивный) знал заранее (или был готов / подготовлен к тому), каким образом и в какой форме он будет на тот или иной типовой стимул-событие реагировать. Хотя,

безусловно, такое знание, как это часто бывает с любым знанием, может оказаться или оказывается ошибочным (неверным), тем не менее, «идея предсказуемости», «идея предвидения», «идея первовидения», «предвосприятия» (термин Д.Н. Узнадзе), т.е. идея о том, что человек знает, как можно реагировать в эмоциональном плане, в нем существует и имеет экспериментальное подтверждение (см.: Артемьева, 1999; Тхостов, 2002).

Следующим противоречием в коммуникативно - интерактивном плане можно считать тот факт, что помимо предсказуемости («предвидения», «первовидения») человек коммуникативный характеризуется в чрезвычайной степени повторяемостью своих эмоциональных реакций. Как было показано в работах Е.Ю. Артемьевой и А.Ш. Тхостова, в пределах одного социума и одних социальных групп наблюдается индивидуальная вариативность в оценке качеств ощущения и определения предмета и степень такой вариативности различна. Но независимо от того, велика или мала степень такой вариативности, участники коммуникативного взаимодействия примерно понимают (знают), как люди одного типа, одного круга, одних социальных предпочтений и впечатлений будут на что-либо реагировать.

В этой связи А.Ш. Тхостов (2002: 49-50) отмечает следующее: «Особая устойчивость эмоциональных признаков позволяет предполагать, что категориальные системы, включающие эмоциональные, «субъективные» свойства, используются на ранних фазах *порождениях перцепта* и можно говорить не только о сенсорных, но и об особом роде «эмоциональных» универсалиях (т.е. эмоциональных матрицах). Пережитые эмоции, подобно пережитым манипуляциям с объектом, создают системы шкал и оценок, определяющих отношение к объекту и создающих особую форму субъективности, своеобразную эмоциональную «чувственную ткань», придающую объекту чувственное существование не в форме цвета или протяжения, а в виде эмоционального переживания». Ср. предыдущие разделы настоящей работы, в которых шла речь о близости в коммуникативном взаимодействии участников общения с одинаковыми психотипами, людей с похожими энергоцентрами, и даже с одинаковыми ритмами сердца. Можно также сравнить ситуацию на футбольном матче, когда болельщики противоборствующих команд будут реализовывать в случае успеха (в виде забитого гола, например, или красивой ком -бинации) похожую эмоцию, или при приветствии футболистов практически спонтанную коллективную эмоцию (свист, аплодисменты, кричалки и др). Тем не менее, вероятнее всего может показаться предположение, что человек коммуникативный как антропологическое существо, несмотря на разность темпераментов, а, напротив, в соответствии с ними и разностью эмоциональных реакций, все же обладает *набором заранее заготовленных* (приобретенных, социально обусловленных, а может быть, наследственно закодированных?) *эмоций*, и разница их проявления объясняется по преимуществу индивидуальной вариативностью.

Вместе с тем, социальная обусловленность характера структуризации (стру-ктурированности) эмоций говорящим субъектом и специфика

протекания его эмоциональной реакции в том или ином виде предоставляет основание говорить о ее возможной устроенности (закономерности?) в соответствии с какими-то кодифицированными стандартами и какими-то матрицами поведения.

По всей очевидности, подтверждение этому предположению достаточно легко можно было бы найти в концепции «культурной природы эмоциональных реакций», представленной в работах А. Вежбицкой (1997; 1999, Wierzbicka, 1986), которая достаточно убедительно в рамках своей аргументации доказывает с твердой уверенностью, что существует достаточное количество факторов, согласно которым эмоция может определяться родным языком конкретного человека. Одним словом, очевидно заключение: *набор эмоций записан в языковой матрице*. В качестве доказательства приводятся определенные слова из типового лексикона типового (рядового) говорящего субъекта, обозначающие его эмоциональное состояние. В частности, русское слово “тоска” нельзя перевести на английский язык, а слово *envy* не имеет точного перевода на русский, как, впрочем, и немецкое слово *Angst*. Сам собой напрашивающийся вывод не предполагает возражений: эмоциональные матрицы навязаны (обусловлены) человеку языком, и он их переживает с точки зрения своего языка.

Однако, даже в рамках одного «культурно-языкового эталона» сложно говорить о точной идентификации эмоционального состояния говорящего субъекта. В этой связи очень трудно пройти мимо замечания Вирджинии Вульф, высказанного ею в своем эссе «Когда болеешь», а именно: «... у английского языка, способного выражать думы Гамлета и трагедию короля Лира, нет слов для дрожи и головной боли ... как только страдающий попытается описать врачу свою головную боль, богатство языка исчезает» (цит. по: Тхостов, 2002: 53).

Высказанные А. Вежбицкой допущения нуждаются, конечно же, в специальных доказательствах, и они приводятся здесь лишь в качестве подтверждения достаточно известной гипотезы. Дело в том, что правомерность ряда её положений находит определенный отклик в семантике модальностей и семантике качеств интрацептивных ощущений. Так, по мнению А.Ш. Тхостова (2002: 51), человеческую боль, например, можно назвать «режущей», «колющей», «острой», «тупой» и т.д., и её ощущение может также различаться в определениях от «жжения», «распираания» до «горит», «давит», «саднит», «морозит» и пр. Обращает на себя внимание, что даже народные названия болезней в русском языке передают их внешние признаки, а наименования болезненных ощущений (состояний) происходит от обозначения либо конкретных действий острым орудием, либо разного рода механических воздействий.

Очевидно, что невыясненным остается вопрос, как «способы формирования и усвоения таких культурно выработанных эталонов» как личные эмоциональные представления, переживания, ощущения, зафиксированные в языке и хранящиеся в памяти одного говорящего

субъекта, могут быть «прямо соотнесены с ощущениями «другого» и «что же тогда позволяет отдельным индивидам сравнивать эти ощущения и понимать друг друга»? (Тхостов, 2002: 51).

В качестве основного возражения представителям концепции «культурной природы эмоциональных реакций», нередко именуемой «концепцией Уорфа-Вежбицкой», исследователи приводят случаи билингвизма и закономерно ставят естественный вопрос, *а как чувствуют билингвы?* Сторонники этой концепции чаще всего повторяют, что ответа на этот вопрос либо вообще нет, либо допускается предположение о наличии у человека - билингва все-таки какого-то родного языка. Высказывается также мнение, что независимо от того, что человек - билингв с успехом говорит на двух, на трех и более языках, все равно какой-то их этих языков у него будет родной. Однако есть подтверждения тому факту, что люди - билингвы думают на разных языках в разные моменты жизни (ср.: Блягоз, 2006).

Не менее значимое возражение против упомянутой концепции кроется, по мнению критиков данной концепции, в конститутивных параметрах самого языка, а именно – в скорости изменения языка. А. Вежбицкая допускает такие изменения и соглашается с появлением новых слов, которые возникают и определяют новые возникающие чувства. Но, как хорошо известно, скорость изменения языка не столь велика и язык меняется медленно, по крайней мере, гораздо медленнее по сравнению со скоростью изменения эмоциональных матриц человека, которые меняются несравнимо быстрее. Для обыкновенного сравнения достаточно сопоставить данные, например, из области возрастной психологии и напомнить о том, о чем точно знает про себя каждый человек, а именно: хотя его родной язык, на котором он говорит в течение жизни, остается более или менее одним и тем же, его способность чувствовать, а также способ чувствовать, переживать, как, впрочем, и набор (репертуар) чувств и их оценка в течение определенных отрезков жизни меняются.

Тем не менее, концепция «культурной природы эмоциональных реакций» заслуживает особого внимания, потому что она опирается на идею эмоциологии как нормативной системы эмоциональных представлений, существующих в определенной культуре, с которой индивидуальное эмоциональное поведение так или иначе соотносится. Коль скоро человек живет в рамках такой эмоциологической системы, включающей в себя нормы, принципы, правила, эталоны и т.д., то его поведение в процессе реализации жизненных сценариев обуславливается эмоциологическим кодексом, отражающим механизмы предписания трансляций ощущений и чувств в формы поведения, в том числе и языкового поведения. Правда, опять остаются невыясненными вопросы, требующие конкретных ответов, а именно: каковы механизмы трансляций, насколько в эмоциологических кодексах написано то, что люди чувствовали (или будут чувствовать), реализуя тот или иной кодекс, и каково соотношение между предписанием и эмоцией в содержательном (семантическом) плане?

Несмотря на поставленные вопросы, направленные на детализацию

описания механизма, в котором через «акт означения» мог бы быть раскрытым процесс превращения сенсорных ощущений в перцептивный образ, идея культурной обусловленности проявления эмоций не заслуживает только одних критических оценок, особенно при выяснении «семантического ядра эмотивного концепта как перцептивного образа» (ср.: Тхостов, 2002: 50).

Как следует из анализа предложенных точек зрения на проблему индивидуального эмоционального поведения в коммуникативном процессе, можно исходить из того, что эмоциональная коммуникация предполагает **осознанный выбор средств демонстрации эмоций** в зависимости от целей общения, что подчеркивает её когнитивно-обусловленный и прагматический характер. Однако, как отмечает В.И. Шаховский, «переживаемая эмоция и её вербальный конгруэнт номинирующий и выражающий ее, не обходится и без биологической рефлексии». Следовательно, «эмоция – это комплексно обусловленная референция к обобщенному конструкту – определенной (типовой, «эталонной», матрице) эмоциональной ситуации, безотносительно к конкретной языковой личности. Эта референция регулируется знанием-рецептом, т.е. видовым когнитивным опытом конкретного этноса и варьируется индивидуально-личностным когнитивным опытом (знанием-ретушем), который в свою очередь участвует в формировании эмоционального дейксиса языковой личности» (там же, с. 310).

Эмоциональный дейксис как «исходная эмоциональная позиция субъекта речи» (Жура, 2008) является субъективным фактором, определяющим коммуникативную компетенцию и коммуникативную позицию речевых партнеров, и, в конечном итоге, влияет на успех коммуникативного взаимодействия, ибо, как считает В.И. Шаховский (2008: 37), «если у собеседников отсутствует общий центр эмоциональной координации общения, то наблюдается эмоциональный диссонанс и неуспех в общении на контекстуальном лоне эмоций».

Коммуникативная компетенция собеседников, включающая в себя и эмотивную компетенцию, обуславливает оценку ситуации и принятие решения в соответствии с выбранными в типовых актах агрессивной (аффицированной, эмотивной) дискурсии целями. Однако в реальной жизни эмоции нередко доминируют над *ratio*, особенно это находит свое подтверждение в процессе оценки ситуации и принятии решения в профессиональной деятельности. В этой связи актуально мнение А.М. Эткинда (1981: 107), который пишет: «...В обыденной жизни он (человек) не столько рассуждает, сколько чувствует, и не столько объясняет, сколько оценивает. Собственно когнитивные процессы, свободные от эмоциональных компонентов, занимают в обыденной жизни скромное место. По-видимому, в реальных процессах деятельности и во вплетенных в нее механизмах межличностного восприятия и самовосприятия “холодные” попытки объяснения и понимания имеют меньшее значение, чем “горячие” акты оценок и переживаний. Когда же процессы когнитивного анализа и имеют место, то находятся под сильным и непрерывным влиянием эмоциональных

факторов, вносящих свой вклад в их ход и результат».

Таким образом, в случаях доминирования эмоциональной составляющей в мотивах поступков говорящего субъекта, что, кстати сказать, нередко случается в условиях эмоциональной коммуникации любого порядка, к которой, в частности, относится и исследуемые в работе коммуникативные ситуации профессионального взаимодействия, оценка происходит на подсознательном уровне, что сказывается на способах экспликации эмоционального состояния человека. В результате этого оценка его эмоционального состояния получает «локализацию, сравнимую степень интенсивности, модальность, соотносится с культурными, перцептивными и языковыми эталонами» (Тхостов, 2002: 50), т.е. она может быть вербализована. Поэтому эмоции - это переживания, носящие довербальную (дотекстовую, дословесную) природу. Но человек может их сформулировать для себя самого и для других, рассказав о них, и это станет дискурсом.

Правда, при этом открывается своеобразный фундаментальный парадокс (точнее, свойство, характеристика) эмоциональной реакции человека на тот или иной (вербальный или авербальный) стимул, на то или иное событие, происшествие, ситуацию, который (парадокс) свидетельствует, *с одной стороны*, что всякая эмоциональная реакция переживается как глубоко спонтанная, мгновенно возникающая в виде всплеска, острой реакции, и в то же время, *с другой стороны*, она переживается как что-то глубоко личное. Но при этом такая реакция может носить матричный статус, определяемый как система, задающая модели поведения для каждого из участников коммуникативного общения и обладающая высокой оценочной составляющей. Если какая-то модель или какой-то дискурс предписывает что-то, связанное с эмоциональным переживанием, то это означает, что в ней (нем) представлено определенное количество оценок: например, такой дискурс, как минимум, имеет две оценки - он оценивает предписываемое выше, чем уже оцененное запрещаемое. Следовательно, оценочная роль (оценка) события-стимула говорящим индивидом очень велика, потому что она всегда есть в эмоциональной коммуникации. Поэтому оценка является составляющей частью эмоции или одним из этапов эмоции, имеющим довольно определенную привязку к определенным типам реакции, так как, реагируя в эмоциональной коммуникации человек, также не может избежать эмоциональной оценки в вопросах: *так ли (то ли) я чувствую?* Ср.: даже не в агрессивной среде такой оценочный вопрос возникает: *а это любовь?*

И хотя у людей бывают разные эмоции, тем не менее, как было показано выше, каждый человек, более или менее, знает нечто про свою эмоцию, и это нечто базируется на следующих допущениях (знаниях): **а)** он знает, что, *во-первых*, одно и то же ощущение (эмоция, состояние, чувство), переживаемое участником эмоциональной коммуникации, переживается им в различных, а иногда даже противоположных (радость-грусть, отвага-страх и т.п.) качествах, **б)** *во-вторых*, он знает, что такое ощущение (эмоция, состояние, чувство) появляется внезапно, а также

то, что оно происходит сразу, в) *в-третьих*, он знает, что возникшее в результате воздействия какого-либо вербального или невербального стимула эмоциональное состояние есть персональная эмоция участника коммуникации и она не является чьей-то чужой, какой-то другой, а только такой, какой она есть, т.е. конкретной, г) *в-четвертых*, он знает, что существует некий «регулятивный механизм» в виде определенных «культурно выработанных эталонов» - знаковых структур (может быть даже в виде типовых естественно-языковых дискурсивных практик, типовых дискурсов?), которые определяют (подсказывают, сигнализируют, информируют?), как именно участник эмоциональной коммуникации должен такое явление (состояние) эмоционально закодировать (осуществить «акт означения», по А.Ш. Тхостову), оценить и какие действия в виде реагирования (т.е. в виде посткоммуникативного, результирующего эффекта) он должен осуществлять.

Идентификация и анализ различных способов выражения эмоций – в вербальной и невербальной репрезентации – с целью установления видов и функций актов агрессивной дискурсии в профессиональной коммуникации в ситуации деятельностно-предметного общения требует дополнительного рассмотрения в последующих исследованиях.

Тем не менее, выделяя проблему изучения специфики поведения языковой (семиотической, коммуникативной) личности в социально-интерактивном пространстве, целесообразно обсудить некоторые особенности субъектов эмоционального общения, ставших объектом наблюдения в данной работе. До сих пор разговор шёл об эмоциональном вербальном и невербальном компоненте поведения языковых личностей в определенных сценариях жизни. До сих пор при исследовании коммуникативного поведения говорящего субъекта не было четкой дифференциации, действует он изолированно (сам по себе) или во взаимодействии с другими индивидами и в каком из коммуникативном пространств - художественном или реальном - живет говорящий индивид, встречаясь в тех или иных ситуациях с эмоциональными переживаниями и реализуя свои компетенции.

Как известно, различные компетенции реализуются языковой личностью в её коммуникативном поведении. Обычно, под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа или определенной группы людей (см.: Стернин, 2000: 5 - 6). Как подчеркивает И.А. Стернин (2000: 9), «описание любого языка как культурно-исторического феномена предполагает описание коммуникативного поведения говорящего на нем народа. Предпринимались попытки исследовать групповое коммуникативное поведение, возрастное, профессиональное, гендерное, национальное, межкультурное, но при неизменной лингвистической доминанте и с позиций лингвистического антропоцентризма (Стернин, 2000; 2001).

Сегодня этот термин достаточно широко используется для описания характеристик семиотического (вербального и невербального) поведения

языковой личности, принимающей участие в различных сферах общения – от обыденной до институционально-профессиональной. При этом формулируется «нормативная» база коммуникативного поведения говорящего субъекта, охватывающая общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы (Пеньков, 1990; Стернин, 2000).

Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности социума и в значительной степени отражают принятые правила этикета и нормативного вежливого общения. Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности (Стернин, 2000).

Парадигма коммуникативного поведения также включает в себя социально и коммуникативно значимое бытовое поведение, определяемое как совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. Одним словом, бытовое поведение рассматривается как своеобразный «язык повседневного поведения» (там же, с. 6). В основе коммуникативного поведения лежит обыденная реальная дискурсивная практика или «жизненное высказывание», по В.Н. Волошинову (2010: 189), включенная в коммуникативный процесс как «форму жизненного общения» (там же, с. 190).

В данной работе под термин «коммуникативное поведение» подводится широкий спектр особенностей вербального и невербального поведения языковой личности в различных жанрах и ситуациях общения. Поэтому коммуникативное поведение можно рассматривать как следствие и реализацию совокупности социальной, психической, когнитивной, языковой и эмоциональной компетенций языковой личности в конкретных формах жизненного общения..

В лингвистике выделено большое количество параметров языковой личности, детерминирующих её коммуникативное поведение. Нередко эти параметры объединяются под общим понятием, именуемым как «языковой паспорт». В объем этого понятия включают видо-родовые признаки («паспортные данные») говорящей личности, такие как пол, возраст, национальность, социальный, ролевой статус, образование, профессия и др.. И хотя их связь с экстралингвистической природой языковой личности налицо, тем не менее они (как «паспорт») играют существенную роль в общении, так как, в первую очередь они через речевую специфику (интонацию, манеру, лексический запас и т.д.) презентуют говорящего субъекта собеседникам по коммуникативному процессу и тем самым накладывают отпечаток на уровень отношений между коммуникантами и

манеру их речевого поведения, и, что немало важно, они оказывают существенное влияние на языковую, эмотивную, коммуникативную компетенцию каждого из собеседников в целом, а значит, они влияют на саму структуру личности говорящего субъекта, которая, по мнению Ю.Н. Караулова (1987: 71), «строится по пересекающимся осям: виды речевой деятельности, уровни языка и степень владения соответствующим компонентом данного уровня».

Таким образом, не задаваясь целью описывать все компоненты, характеризующие языковую личность в процессе эмотивных актов профессиональной коммуникации, можно лишь акцентировать внимание на коммуникативные особенности эмоционального поведения участников профессиональной интеракции в условиях дискомфортного вербального воздействия. Именно поэтому в поле зрения предлагаемого исследования входит *эмотивная / эмоциональная компетенция* говорящего субъекта как когнитивного агента как один из основных параметров, определяющих прагматику его коммуникативного поведения в условиях дискомфортного использования эмотивных агрессивных вербальных стимулов. С этих позиций предстоит рассмотреть семантическую основу концептуальной природы деструктивных эмотивных единиц, используемых в эмотивных актах профессиональной коммуникации.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. - М.: Наука, 1999. – 350 с.
2. Блягоз З.У. Двухязычие: сущность явления, формы его существования. Интерференция и ее разновидности. – Майкоп: АдГУ, 2006. – 150 с.
3. Божович Е.Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. – 1991, № 1. – С. 33 – 44.
4. Буянова Л.Ю., Рыбникова В.А. Языковая личность как текст: проблема образов сознания // Языковое сознание: Содержание и функционирование. - М.: ИЯ РАН, 2000. - С. 42 - 43.
5. Волошинов В.Н. Антропологистика. Избранные труды. – М.: Лабиринт, 2010. – 255 с.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001, № 1. – С. 64 – 72.
7. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – С. 326 – 376.
8. Вежбицка А. Речевые жанры в свете теории элементарных смыс-ловых единиц // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 68 – 80.
9. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном

медицинском общении. Дисс. ... докт. филол. н. – Волгоград: ВГПУ, 2008. – 407 с.

10. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. - М.– Воронеж: ВГУ, 2001. – 193 с.

11. Изард К. Э. Эмоции человека. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 552 с.

12. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: ИЯ РАН, 1992.- 330 с.

13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.

14. Караулов Ю.Н. Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание. - М.: Ин - т языкознания РАН, 1995. – С. 63 - 65.

15. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

16. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог, 1998. – 352 с.

17. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.

18. Павлючко И.П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г. Гессе). Дис. ... канд. филол. н. – Волгоград: ВГПУ, 1999. – 205 с.

19. Пеньков Е.М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

20. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – С. 4 – 20.

21. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 252 с.

22. Телия В.Н. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

23. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.

24. Шахнарович А.М. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - С. 99 - 113.

25. Шахнарович А.М. Онтогенез языкового сознания: развитие познания и коммуникации // Текст как структура. – М.: Наука, 1992. – С. 19-25.

26. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 190 с.

27. Шаховский В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 3 – 10.

28. Шаховский В.И. Эмоциональный дейксис речевого жанра // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Тез. докладов научной конференции. – Волгоград: ВГПУ, 1998. – С. 104 – 105.
29. Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса. Вып.6. – М. – Барнаул, 20003. – С. 215 – 222.
30. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
31. Эткинд А.М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений // Вопросы психологии. – 1981, № 2. – С.
32. Яковлева Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творчес-кого развития // Вопросы психологии. - 1997, № 4. - С. 20 - 27.
33. Hymes D. Competence and Performance in Linguistic Theory // Language Acquisition: Models and Methods. – L.: Longman, 1971. – P. 3 – 24.

References

1. Artemyeva Ye.Yu. Basic of psychology subjective semantics [Osnovy psikhologii subyektivnoy semantiki]. - M.: Nauka, 1999. – 350 s.
2. Blyagoz Z.U. Bilingualism : the essence of the phenomenon , the shape of its existence. Interference and its varieties [Dvuyazychiye: sushchnost yavleniya, formy yego sushchestvovaniya. Interferentsiya i yeye raznovidnosti]. – Maykop: AdGU, 2006. – 150 s.
3. Bozhovich Ye.D. Development of linguistic competence of pupils : problems and approaches [Razvitiye yazykovoy kompetentsii shkolnikov: problemy i podkhody] // Voprosy psikhologii. – 1991, № 1. – S. 33 – 44.
4. Buyanova L.Yu., Rybnikova V.A. Linguistic personality as text : problem of consciousness images [Yazykovaya lichnost kak tekst: problema obrazov soznaniya] // Yazykovoye soznaniye: Soderzhaniye i funktsio–nirovaniye. - M.: IYa RAN, 2000. - S. 42 - 43.
5. Voloshinov V.N. Anthropological linguistics . Selected Works [Antropolingvistika. Izbrannyye trudy]. – M.: Labirint, 2010. – 255 s.
6. Vorkachev S.G. Cultural linguistics , linguistic personality , concept : establishment of anthropocentric paradigm in linguistics [Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii] // Filologicheskkiye nauki]. – 2001, № 1. – S. 64 – 72.
7. Vezhbitskaya A. Interpretation of emotional concepts [Tolkovaniye emotsionalnykh kontseptov // Vezhbitskaya A. Yazyk. Kultura. Poznaniye]. – M.: Russkiye slovari, 1997. – S. 326 – 376.
8. Vezhbitska A. Speech genres in the light of the theory of elementary semantic units [Rechevyye zhanry v svete teorii elementarnykh smys-lovykh yedinit] // Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya. – M.: Labirint, 2007. – S. 68 – 80.
9. Zhura V.V. Diskursive physician competence in oral health communication

[Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii]. Diss. ... dokt. filol. n. – Volgograd: VGPU, 2008. – 407 s.

10. Zimnyaya I.A. Linguistic psychology of speech activity [Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti]. - M.–Voronezh: VGU, 2001. – 193 s.

11. Izard K. E. Human Emotions [Emotsii cheloveka]. - M.: Izd-vo MGU, 1980. - 552 s.

12. Karasik V.I. Language of social status [Yazyk sotsialnogo statusa]. - M.: IYa RAN, 1992.- 330 s.

13. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost]. - M.: Nauka, 1987. – 263 s.

14. Karaulov Yu.N. What is the "linguistic personality"? [Chto zhe takoye «yazykovaya lichnost»?] // Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye. - M.: In - t yazykoznaneya RAN, 1995. – S. 63 - 65.

15. Krasavskiy N.A. Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures [Emotsionalnyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh]. – Volgograd: Peremena, 2001. – 495 s.

16. Krasnykh V.V. Virtual reality or real virtuality ? (Person. Consciousness. Communications) [Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznaniye. Kommunikatsiya)]. – M.: Dialog, 1998. – 352 s.

17. Leontyev A.A. Psycholinguistic units and generation of verbal expression

[Psikholingvisticheskiye yedinitsey i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya]. – M.: Nauka, 1969. – 307 s.

18. Pavlyuchko I.P. Artistic text author's emotive competence of an (on the material of H. Hesse) [Emotivnaya kompetentsiya avtora khudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedeniy G. Gesse)]. Dis. ... kand. filol. n. – Volgograd: VGPU, 1999. – 205 s.

19. Penkov Ye.M. Social norms : management, training, behavior [Sotsialnyye normy: upravleniye, vospitaniye, povedeniye]. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 176 s.

20. Sternin I.A. The notion of communicative behavior and problems of its research [Ponyatiye kommunikativnogo povedeniya i problemy yego issledovaniya] // Russkoye i finskoye kommunikativnoye povedeniye. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2000. – S. 4 – 20.

21. Sternin I.A. Introduction into speech influence [Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye]. - Voronezh: Izd-vo VGU, 2001. – 252 s.

22. Teliya V.N. Teliya V.N. Mechanisms of expressive linguistic units coloring [Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh yedinitsey] // Chelovecheskiy faktor v yazyke. – M.: Nauka, 1991. – 214 s.

23. Tkhostov A.Sh. Psychology of corporeality [Psikhologiya telesnosti]. – M.: Smysl, 2002. – 287 s.

24. Shakhnarovich A.M. Experimental study of implementation in emotive speech activity [Eksperimentalnoye issledovaniye realizatsii emotivnosti v rechevoy deyatel'nosti] // Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti. - M.: Nauka, 1991. - S. 99 - 113.

25. Shakhnarovich A.M. Ontogeny of linguistic consciousness: the development of cognition and communication [Ontogenez yazykovogo soznaniya: razvitiye poznaniya i kommunikatsii] // *Tekst kak struktura*. – M.: Nauka, 1992. – S. 19-25.
26. Shakhovskiy V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language [Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka]. – Voronezh: VGU, 1987. – 190 s.
27. Shakhovskiy V.I. Language personality in linguistics of emotions [Yazykovaya lichnost v lingvistike emotsiy // *Yazykovaya lichnost: problemy semantiki i pragmatiki*]. – Volgograd: Peremena, 1997. – S. 3 – 10.
28. Shakhovskiy V.I. Emotional deixis of speech genre [Emotsionalnyy deysis rechevogo zhanra] // *Yazykovaya lichnost: zhanrovaya rechevaya deyatelnost. Tez. dokladov nauchnoy konferentsii*. – Volgograd: VGPU, 1998. – S. 104 – 105.
29. Shakhovskiy V.I. Emotions are motivational basis of human consciousness [Emotsii – motivatsionnaya osnova chelovecheskogo soznaniya] // *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa. Vyp.6*. – M. – Barnaul, 20003. – S. 215 – 222.
30. Shakhovskiy V.I. Linguistic theory of emotions [Lingvisticheskaya teoriya emotsiy]. – M.: Gnozis, 2008. – 416 s.
31. Etkind A.M. Emotional components of self- and interpersonal judgments [Emotsionalnyye komponenty samootchetov i mezhlichnostnykh suzhdeniy] // *Voprosy psikhologii*. – 1981, № 2. – S.
32. Yakovleva Ye.L. Emotional mechanisms of personal and creative development [Emotsionalnyye mekhanizmy lichnostnogo i tvorches-kogo razvitiya] // *Voprosy psikhologii*. - 1997, № 4. - S. 20 - 27.
33. Hymes D. Competence and Performance in Linguistic Theory // *Language Acquisition: Models and Methods*. – L.: Longman, 1971. – P. 3 – 24.